

• КОЛОНКА ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

Владимир ВОЙНОВИЧ

Сила слов
и свобода слова

Поэт сказал: «Я знаю силу слов, я знаю слов набат»... У слов сила есть, иногда даже заметная, но все-таки не такая большая, как некоторым кажется. Три десятка лет тому назад союзписательские начальники, не имея справок от психиатра, обвиняли меня в том, что роман о солдате Чонкине я написал в угоду американским империалистам и по прямому заданию ЦРУ. Иные из этих оппонентов предрекали мне место на свалке истории и шли далеко, утверждая, что цель моего романа — подорвать мощь Советского Союза. Дойдя до подобной мысли, они впадали в сильное волнение, но тут же сами себя успокаивали посредством валидола и слов, что мое покушение на целостность нашего государства обречено на провал, как все предыдущие. Мы, мол, в свое время победили Белую армию, отразили нападение четырнадцати стран Антанты, разгромили наголову немецко-фашистские полчища и с вами (со мной) в конце концов как-нибудь справимся.

Оказалось, не тут-то было. Когда месяца полтора тому назад я отвечал в «Известиях» на телефонные звонки читателей, двое из звонивших предъявили мне привычное обвинение, что я развалил Советский Союз. Будь у меня мания величия, я мог бы и возгордиться. Развалить словами ядерную супердержаву — это даже больше, чем завалить медведя.

Сила слов — страшная вещь, для измерения ее стоит ввести что-нибудь вроде шкалы Рихтера. В позапрошлом веке рабочий Петр Алексеев громкогласно пообещал, что скоро поднимется мускулистая рука рабочего класса и что-то ужасное сделает. За эти слова он попал сначала на каторгу, а потом в ссылку. Однажды шел он по тайге и встретил двух охотников, представителей небольшого местного народа. Они, надеясь чем-нибудь поживиться, убили Алексева. А у того ничего не было. Но, чтобы зря работа их не пропала, они сочинили песню со словами о том, как встретили в лесу огромного русского великана и одолели его в непосильной борьбе. После чего зарабатывали на кусок хлеба, распевая свою песенку в местных селениях. И все было бы хорошо, но песенку услышал какой-то следователь. Вдумавшись в слова, он авторов арестовал и легко доказал, что их сочинение основано не на вымысле.

Это я к тому, что слова имеют большую силу, особенно когда за них приходится отвечать. Или когда они возбуждают большие толпы людей. Допустим, на митингах. Я, признаться, митингов вообще не люблю. Они бывают очень разные и зовут нас порой черт знает куда. Видели вы в кино митинги с Лениным, Гитлером, Фиделем Кастро?.. Огромные толпы людей, нашедших свой путь. Восхищенные, одухотворенные, просветленные лица. Смело, товарищи, в ногу! Зиг хайль! Но пасаран! Советские люди при призывах расстрелять кого-то как бешеных собак хором визжали от радости. Сейчас в Европе и в Австралии анархисты и глобалисты кидаются камнями в полицейских, переворачивают автомобили и жгут резиновые покрышки. В Маниле беснуются толпы, которые совсем недавно требовали посадить своего экс-президента за то, что слишком много украл, а теперь столь же страстно желают видеть его на свободе. (Вот видите: красть надо побольше. Тогда есть шанс, что кто-то заступится.)

Там люди горячие, они в силу слов не верят и переходят к делу. Мы ведем себя достойнее и боремся за главное, что у нас есть. За свободу слова. Которая, между прочим, имеет очень странные свойства. Пока мы говорим, что ее нет, она у нас есть. А когда мы все дружно начнем утверждать, что она у нас есть, это будет значить, что ее у нас больше нет. Другая странность: если можно защищать свободу без всякого риска, значит, нет риска ее потерять. Когда же есть этот риск, тогда защита свободы становится делом благородным, но опасным, и чем опасней, тем благородней.

Давно известно: свобода требует жертв.

О недавних наших митингах я говорить больше не хотел, но некоторые люди извели меня попреками, что я не восхищаюсь героями, которые отважно вышли защищать свободу слова. Отважно вышли, да робко ушли. Мне говорят: а что же нам делать? У нас же семьи, дети, долги. Это я понимаю. Но если вы хотите защищать что-то, ничем не рискуя, тогда не надо собирать митингов, поминать гордого «Варяга», браться за руки и показывать нам два пальца.

Тогда работайте спокойно на тех, кто вас купил, и говорите то, что вам разрешат. А о свободе слова мы будем беспокоиться без вас. Или вместе с вами не будем.